

ГЛАВА 1

В тот день, которому предстояло стать переломным в моей жизни, я отправилась в Лондон поездом 9.07, запланировав сделать кое-какие покупки (кто-то рассказал мне о распродаже китайских халатов, подходящих для домашних обедов, поскольку «идеально маскируют все недостатки»). Я также собиралась повидать своего негодного мальчишку Бэзила — вечный объект беспокойства. Тетя Сэди умоляла меня заглянуть к дяде Мэттью, а у меня на уме было нечто, что я давно хотела ему предложить. С одним у меня была назначена встреча за ланчем, с другим — за чаем. Помню, это была суббота, сокращенный учебный день у Бэзила — он готовился к поступлению в Министерство иностранных дел. Мы договорились встретиться в ресторане, затем отправиться в его апартаменты, которые прежде именовались «номерами», а теперь называются «квартирой с гостиничным обслуживанием». Моя идея состояла в том, чтобы немного прибраться там, что определенно стало бы не лишним, а кроме того, забрать кое-какую грязную одежду, выстирать ее или вычистить. Я взяла с собой большую холщовую сумку, намереваясь сложить в нее эти вещи — и китайский халат, если куплю его.

Однако — о боже! — думаю, никогда я не выглядела так глупо, как в этом китайском халате, с торчавшими из-под подола странно огромными коричневыми туфлями на низком каблуке, с волосами, всклокоченными от стаскивания с них шляпы, и с прижатой к груди ко-

жаной сумкой — в ней было двадцать восемь фунтов, а я знала, что на распродажах воришки нередко выхватывают у людей сумки. Продавщица искренне посоветовала мне подумать, насколько иной вид я приобрету, если буду аккуратно coiffée*, и maquillée**, и parfumée***, и manicurée****, и pedicurée*****, обута в китайские сандалии (соседний отдел, тридцать пять шиллингов шесть пенсов) и расположусь на кушетке при мягком свете. Ничего хорошего из этого не получилось — мое воображение было не способно нарисовать подобной картины. Мне было и жарко, и беспокойно. Я сорвала с себя халат и убежала от навязчивой продавщицы.

План в отношении Бэзила я разработала несколько дней назад, по телефону. Как все дети, он не может ни прочитать, ни написать письмо. Я беспокоилась за него даже больше обычного — в прошлый раз, когда Бэзил приезжал в Оксфорд, он был одет как Тедди-бой*****, а его волосы, начесанные (или натянутые) на лоб и короткие сзади, придавали ему отталкивающий вид. Без сомнения, такова нынешняя мода, и само по себе это не является поводом для волнения. Но наедине со мной Бэзил признался, что перспектива дипломатической службы наводит на него скуку и он полагает, что сумеет найти своим способностям к языкам лучшее применение в какой-нибудь иной профессии. Были произнесены тревожные слова «позволяющей быстро разбогатеть». Мне не терпелось вновь увидеть его и задать несколько во-

* Причесана (фр.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Накрашена (фр.).

*** Надушена (фр.).

**** С маникюром (фр.).

***** С педикюром (фр.).

***** Молодежная субкультура, возникшая в начале 50-х годов XX века в Великобритании. Тедди-бои носили брюки «дудочки» с высокой талией, длинные сюртуки с двойным воротником и узкие галстуки.

просов. Поэтому, когда Бэзил не появился в ресторане, это стало для меня ударом, хотя и не слишком сильным. Я пообедала там одна, а потом отправилась искать его «квартиру с гостиничным обслуживанием». По ислингтонскому* адресу, который он мне дал, находился весьма старый дом, утративший свой былой социальный статус (а вскоре ему, безусловно, предстояло деградировать окончательно). У парадной двери имелось пять или шесть звонков с прикрепленными рядом табличками. Возле одного звонка не было таблички, но кто-то нацарапал рядом с ним на стене слово «Бэз». Без особой надежды я нажала кнопку. Никто не ответил. Я продолжала, с перерывами, нажимать.

Пронырливый парень в таком же костюме, как у Бэзила, околачивался на улице, наблюдая за мной. Вскоре он приблизился ко мне и сказал:

— Если вы охотитесь за стариной Бэзом, то он уехал в Испанию.

Вот так. «Дождик, до свидания, улетай в Испанию».

— А когда вернется?

— Когда приедет за следующей группой. Старина Бэз теперь турагент, разве вы не знали? Присоседился к своему дедуле — некоторым людям везет с родственниками. Бэз гонит стадо в Коста-Брава, потом прячется, пока они прожигают там жизнь, а через неделю доставляет тушки обратно. Ну, во всяком случае, такова основная идея — он еще только приступил к работе.

Турагент... дедуля... Что парень хотел сказать? Не имеет ли этот разговор целью удержать меня здесь, пока не скроется из виду вон тот идущий по улице человек? Больше вокруг никого не было, а этот стилига, несомненно, вооруженный бритвой, явно нацелился на мою сумку и двадцать восемь фунтов. Я улыбнулась ему идиотской нервной улыбкой.

* Ислингтон — район Большого Лондона.

— Большое спасибо, — произнесла я, — так я и думала. До свидания.

Аппер-стрит находилась рядом, и очень скоро я уже сидела в старом автобусе № 19, неторопливо двигавшемся в направлении Пикадилли. Подобные ситуации всегда возникали, когда я пыталась повидаться с Бэзиллом. Да, конечно, надо поставить себя на его место. С какой стати ему должно хотеться провести свой субботний день с немолодой матерью? Какая скука для молодого человека, только недавно начавшего жить самостоятельно, наблюдать, как эта пожилая женщина мечется по его комнате и забирает с собой его костюмы. Однако ему все же было несвойственно так бездушно поступать с людьми. Что же могло случиться? Как это выяснить? Я оказалась в Лондоне в субботу, во второй половине дня, и мне было решительно нечем заняться до чаепития. Мы проезжали Национальную галерею, но я чувствовала себя слишком удрученной, чтобы посетить ее. Решила, что прогулка по парку улучшит мое настроение.

Периодически я подолгу жила в Лондоне в разные моменты своей жизни, однако никогда не была лондонкой, и эти места имеют для меня скорее литературное и историческое, нежели личное значение. Всякий раз, когда я туда приезжаю, меня удручают наблюдаемые перемены к худшему: потеря элегантности, утрата характера, исчезновение достопримечательностей и замена их плоскими и безликими стеклянными коробками. Сойдя с автобуса на углу Гайд-парка, я грустно смотрела на громадный отель на Парк-лейн, где раньше был Монтдор-хаус. Когда этот отель только построили, он был провозглашен триумфом современной архитектуры, но хотя простоял всего три года, уже успел стать обшарпанным, приобрести цвет старых зубов и, как ни странно, старомодный вид. Я двинулась в сторону Кенсингтонских садов. Кто-то сказал мне, что казармы Гайд-парка скоро должны снести, поэтому я попрощалась с ними. Раньше я к ним

не присматривалась, теперь же увидела, что они массивные и добротнo построены — красивое сочетание кирпича и камня. Разумеется, не шедевр, но значительно лучше, чем разрекламированный гараж, который займет их место. Я заметила, что Колодец исполнения желаний Венди* переделан, и что случилось с деревьями на Брод-уок? Кенсингтонский дворец по-прежнему стоял на месте, хотя, вероятно, ненадолго, и эксцентричные старички все так же запускали парусные лодочки на Круглом пруду, который пока не был осушен, засыпан или превращен в автостоянку.

В половине четвертого с неба закапало. Дядя Мэттью не возражает, чтобы человек пришел раньше назначенного срока; я решила сейчас же направиться в его конюшни. Если он там, то будет рад меня видеть, если нет — я смогу подождать его в маленьком укромном местечке, где стоят мусорные ящики.

Дядя Мэттью передал поместье Алконли своему единственному выжившему сыну Бобу Рэдлетту, оставив за собой домик в стиле эпохи Регентства на той же территории. Тетя Сэди была очень рада этому обмену, ей нравилось находиться ближе к деревне. Новый дом целый день был освещен солнцем, и ее забавляло приводить его в порядок. Действительно, свежеевыкрашенный и обставленный той немногой добротной мебелью, что была в Алконли, дом стал гораздо более привлекательным жильем, чем его предшественник. Но не успели они в него переехать, как мой дядя поссорился с Бобом — вечная история со старым королем и его преемником. У Боба имелись собственные идеи насчет охоты и управления поместьем, а дядя Мэттью яростно противился каждой инновации. Его зять Форт-Уильям, свояк Дэви Уорбек и те из соседей, что были с дядей Мэттью в хороших отношениях, предупреждали, что

* Персонаж книги Дж. Барри «Питер и Венди».

так и будет, но им посоветовали заниматься своим делом. Теперь, когда их пророчества сбылись, дядя Мэттью отказывался признавать истинную причину своей досады и убедил себя, что виновата во всем жена Боба — Дженнифер. Он выразил сильную неприязнь к ней — ее соседство, заявил он, невозможно терпеть. Бедная Дженнифер, совершенно безобидная, она желала всем угодить, и это было так ясно, что даже дядя Мэттью, когда его попросили объяснить причину собственной ненависти, оказался в растерянности. «Бессмысленный кусок мяса», — только и бормотал он. Бесспорно, Дженнифер была из тех женщин, смысл существования которых был очевиден лишь мужу и детям, но она определенно не заслуживала подобного отношения.

Разумеется, дядя Мэттью не мог оставаться в таком месте, где он был вынужден постоянно видеть ненавистную невестку. Дядя Мэттью снял квартиру в Лондоне, известную как «Бывшая конюшня», и казался довольным жизнью в городе, который прежде расценивал как «чумное место». Тетя Сэди осталась в своем славном новом домике, она могла встречаться с несколькими друзьями и развлекать внуков, не опасаясь вспышек гнева мужа. Дядя Мэттью любил собственных детей, когда они были маленькими, и весьма неприязненно относился к их потомству, а моя тетя любила внуков больше детей и чувствовала себя с ними непринужденнее, чем с их родителями.

Поначалу в «Бывшей конюшне» возникали разные неприятности. Там не было спальни для слуги. Обнаруживались приходящие работницы, но дядя Мэттью обзывал их шлюхами. Приходящие же работники пахли выпивкой и были наглыми. Наконец ему улыбнулась удача, и он нашел решение. Однажды, направляясь на такси в палату лордов, дядя Мэттью углядел на полу машины фунтовую банкноту. Выходя, он вручил ее водителю такси вместе с платой и, без сомнения, прибавил еще огромные чаевые (с чаевыми он был очень щедр),

на что шофер заметил, что для него это большое неудобство, поскольку теперь он будет вынужден отвезти банкноту в Скотленд-Ярд.

— Не делай ничего подобного! — заявил дядя Мэттью, что было довольно странно для законодателя. — Никто о ней не заявит. Оставь ее себе. — Водитель горячо поблагодарил его и за чаевые, и за совет, и они расстались, посмеиваясь, как пара заговорщиков.

На следующий день дядя Мэттью, позвонив в местный приют таксистов (или, как он, вероятно, сейчас называется, «Павильон отдыха водителей»), чтобы заказать автомобиль для поездки в парламент, случайно наткнулся на того же самого шофера. Тот сообщил моему дяде, что хотя он вполне оценил здравый смысл его совета, но тем не менее все равно отвез банкноту в Скотленд-Ярд.

— Дурак набитый, — усмехнулся дядя Мэттью.

Он спросил у водителя, как его зовут и в какое время начинается рабочий день. Звали его Пэйн, и он выезжал на улицы примерно в половине девятого. Дядя Мэттью сказал, что впредь ему надлежит по выезде из гаража опускать свой флажок и двигаться прямо в «Конюшню».

— Я намерен приезжать на Виктория-стрит каждое утро к открытию универсама, так что это будет устраивать нас обоих.

Универсам «Армия и флот» всегда, как магнитом, притягивал моего дядю. Тетя Сэди частенько повторяла, что хотела бы иметь пенни с каждого фунта, который он там потратил. Дядя Мэттью знал большинство сотрудников по именам и любил совершать свой моцион в этих пределах, заканчивая прогулку видом с моста, откуда отмечал направление ветра. Из «Конюшни» наблюдать небо было невозможно.

Вскоре Пэйн с моим дядей пришли к весьма удобному соглашению. Пэйн должен был высаживать его около универсама, возвращаться в «Конюшню» и проводить пару часов, выполняя там работу по дому. Затем должен

был опять заезжать за дядей Мэттью и отвозить его либо в его клуб, либо домой. Иногда ему полагалось привезти дяде Мэттью горячий обед из столовой таксопарка, где, по словам моего дяди, водители такси чрезвычайно вкусно угощаются. (Я часто об этом вспоминаю, ожидая на резком ветру, когда один из них завершит свою трапезу.) В остаток дня Пэйну разрешалось заниматься своим ремеслом при условии, что в промежутке между пассажирами он будет звонить в «Конюшню» и проверять, не требуется ли чего. Дядя Мэттью платил ему по счетчику плюс чаевые. Он говорил, что это уберегает от лишних расчетов и все упрощает. Система работала отлично. Дядя Мэттью был объектом зависти коллег, из которых мало кто имел такой же хороший уход за собой.

Когда я шагала вдоль Кенсингтонского треугольника, ко мне подъехало такси, за рулем которого сидел Пэйн. Не обращая внимания на своего пассажира, который выглядел удивленным и недовольным, он перегнулся ко мне и доверительно произнес:

— Его светлости нет дома. Если сейчас вы направляетесь в «Конюшню», я дам вам ключ. Я должен забрать его светлость у больницы Святого Георгия, после того как отвезу этого джентльмена на Паддингтонский вокзал.

Пассажир в это время опустил стекло, отделявшее его от водителя, и яростно воскликнул:

— Послушайте, водитель! Мне нужно успеть на поезд!

— Очень хорошо, сэр, — ответил Пэйн, вручил мне ключ и уехал.

К тому времени, как я прибыла на место, шел сильный дождь, и я радовалась, что мне не придется сидеть на мусорном ящике. Хотя был июль, день выдался холодный. У дяди Мэттью в гостиной имелся небольшой камин, и я подошла к нему, потирая руки. Комната была маленькая, темная и уродливая — старый кабинет в усадьбе Алконли в миниатюре. Она имела тот же самый запах дровяного камина и сигарет «Вирджиния» и была

наполнена, как и кабинет, многочисленными безделушками, большинство из которых мой дядя смастерил много лет назад и которые, как предполагалось, сделают его неимоверно богатым. Здесь были пепельница из Алконли, зажигалки из Алконли, стеллаж для грампластинок из Алконли и ловушка для мух, выпиленная лобзиком в форме швейцарского шале. Эти безделушки вызывали в памяти мое детство и долгие вечера в Алконли с дядей Мэттью, слушающим свои любимые пластинки. Я со вздохом подумала, насколько легче приходилось в те дни родителям и опекунам — ни тебе Тедди-боев, ни бородатых битников, ни модных тусовщиков из Челси, ни светских львиц из богатых наследниц или, во всяком случае, не столь публичных. Хорошими маленькими детками были мы, похоже, если оглянуться назад.

Чайный стол был уже накрыт — серебряные блюда с лепешками и фруктовыми кексами, а также вазочка с джемом. В «Конюшне» вы могли рассчитывать на хороший чай. Я взяла «Дейли пост» и наткнулась на парижскую страницу Эймиаса Мокбара. Провинциалы вроде меня поддерживают связь с модной и интеллектуальной Европой в лице ее последнего оплота цивилизованного досуга благодаря стараниям этого самого мистера Мокбара, который четыре раза в неделю подробно излагает подноготную парижских жиней, романов и скандалов. Это идеальное чтиво для домохозяйки, имеющей возможность наслаждаться данным бытописанием без необходимости самой сталкиваться с человеческими ужасами, там описываемыми. Она откладывает газету, более удовлетворенная, чем когда-либо. Сегодня, однако, эта страница была довольно скучной, состоявшей из домыслов на тему назначения нового английского посла в Париже. Нынешний посол, сэр Льюис Леон, похоже, должен был выйти в отставку после необычайно долгого представительства. Мокбар всегда изображал его как дипломатическое бедствие — слишком блестящего, свет-

ского и слишком-слишком профранцузского. Полагали, что его красивая жена завела чересчур много друзей в Париже. Читая между строк, человек понимал, что Мокбара среди них не было. Теперь, когда чета Леон покинула Париж, репортера обуяла необъяснимая нежность к ним. Вероятно, он берег свои боеприпасы для нового сэра Некто, которого доверительно именовал преемником сэра Льюиса.

Я услышала, как такси приближается к «Конюшне». Оно остановилось, дверца хлопнула, звякнул счетчик. Мой дядя, погромев монетами, вытащил из кармана несколько полукрон. Пэйн поблагодарил его и отъехал. Я пошла встретить дядю Мэттью, который медленно поднимался по ступеням.

— Как поживаешь, мое дорогое дитя?

Было приятно услышать «мое дорогое дитя». Я так привыкла ощущать себя матерью — бедной, покинутой, как было сегодня, оставленной есть свой ланч в полном одиночестве. Дядя Мэттью отправился в маленькую кухню, чтобы поставить чайник, приговаривая: «Пэйн все приготовил, осталось лишь заварить чай», а я посмотрела на себя в зеркало. Несомненно, даже в возрасте сорока пяти лет было нечто в моем внешнем виде, что делало слова «мое дорогое дитя» не такими уж нелепыми. Я сняла шляпу и причесала волосы, которые пружинились, как всегда, торчали дыбом и не были ни поблекшими, ни седыми. На лице моем просматривалось не так много морщин, глаза блестели молодо. Весила я столько же, сколько в восемнадцать лет. Было во мне нечто старомодное, вероятно, оттого, что большую часть жизни я провела в Оксфорде — такой же глухомани, как какой-нибудь Тибет, но, несомненно, определенное количество сильнодействующего средства вроде любовного приключения (боже упаси!) или смены обстановки еще могло преобразить мою внешность. Материал для этого был под рукой.

— Очень любезно с твоей стороны было прийти, Фанни. В последнее время я редко видела дядю Мэттью и так и не привыкла находить его старым, то есть уже не в пору приятной и как будто бы бесконечной осени его жизни, а погруженным в самую середину зимы. Я знавала дядю Мэттью таким активным и неистовым, буйным и энергичным, что меня печалило видеть его теперь медлительным, в очках и глуховатым. Пока мы сами не достигнем среднего возраста, старость находится вне нашего опыта. Когда ты очень молод, то всякий взрослый кажется старым, тогда как по-настоящему старые люди, с кем мы соприкасаемся и кто не меняется в течение нескольких лет нашего знакомства (кратких для них, бесконечно долгих для нас), кажутся нам скорее иным биологическим видом, чем представителями нашей собственной расы. Но наступает день, когда те, кого мы знали в расцвете сил, приближаются к своему концу. Вот тогда мы понимаем, что такое действительно старость. Дяде Мэттью было всего лишь за семьдесят, но он не очень хорошо сохранился. Прошел по жизни с одним легким, другое было прострелено во время англо-бурской войны. В 1914 году в составе офицерского резерва, с первой сотней тысяч, дядя Мэттью прибыл во Францию и провел два года в окопах, пока не был освобожден от военной службы по инвалидности и отправлен домой. После этого он охотился, стрелял и играл в теннис, словно был полностью здоров. Помню, как ребенком я часто видела, что дядя Мэттью мучительно старается восстановить дыхание — вероятно, то была нагрузка на сердце. Он знал и печаль, что всегда старит людей. Пережил смерть троих своих детей, и эти трое были его любимцами. Сама потеряв ребенка, я понимаю, что ничего более ужасного не может выпасть на долю человека. Но мой ребенок, умерший в младенчестве, нанес не такую серьезную рану, какую оставил уход из жизни Линды и двух мальчиков, которыми дядя Мэттью так гордился.